

Евг. РЫСС

ГЛАВЫ ВЕЛИКОЙ ЭПОЕИ

1.

Современность становится историей незаметно. Два года прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, и мы чувствуем: война уже видна издали, мы можем охватить взглядом общие ее контуры.

Нельзя писать о войне так, как писали о ней несколько лет назад.

От произведения, написанного о войне сегодня, мы ждем и видения современника, непосредственного и точного по впечатлению, и видения историка, знающего подлинное место и значение каждого факта. Сегодня литература накапливает материал и ищет пути к высокому его осмысливанию. Уже вышли воспоминания С. Ковпака, П. Вершигоры, Т. Логуновой, Г. Линькова, И. Козлова, А. Федорова. Создан бесценный фонд, который будет расти и увеличиваться.

В нас жив непосредственный интерес к событиям. Интерес этот заставляет порой писателя избирать форму, близкую к документальной литературе. Так, «Спутники» В. Пановой близки по форме к большому журнальному очерку. Это произошло не потому только, что повесть выросла из очерка, но и потому, что Панова знала, как для читателя ценно ощущение достоверности повествования.

Думается, что это же чувство безмерной ценности материала заставило В. Некрасова выбрать для своей первой повести форму дневника.

И все же, несмотря на внешнюю близость «Спутников» и «Сталинграда» к формам документальной литературы, обе повести, как и «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, безусловно и полностью относятся к литературе художественной.

2.

Мы уже высказывались на страницах «Литературной газеты» по поводу «Спутников». Поэтому сейчас мы остановимся подробнее на «Сталинграде».

Молодой человек, в сущности не знающий жизни, захвачен волной отступления 1941 года. Кругом беспорядок, сумятица, порой паника. Герой попадает во власть многих случайностей. Перед ним проходят люди, которые сразу же исчезают из его жизни. Одни погибают, других уносит куда-то та же огромная сила, которая несет

и самого рассказчика.

И все-таки, чем дальше читаешь рассказ лейтенанта Керженцева, тем становится яснее: случайности решают только второстепенное, только частное. Главное предусмотрено твердыми законами.

Разъединенные, растерянные люди ищут свою часть. Им стыдно идти на восток, но они верят, что вернутся. Это разбитые части, но это не побежденная армия. Поэтому не случайно вырастает на востоке Сталинград.

«Добирайтесь до Сталинграда, если армии своей не найдете, там сейчас новые части формируются», — говорит встреченный связист.

«В Сталинград держите путь. В Сталинграде, говорят, сейчас все начальство», — говорит майор из проходящей части.

Солдаты хотят защищать страну, командование готовит оборону. Воля командования сливается с волей армии. И пусть лейтенанту Керженцеву кажется, что он случайно попал в Сталинград, писатель Некрасов знает закономерность пути своего героя.

Начинается оборона Сталинграда. Керженцев получает задание.

«Задача простая — врьться, опутаться проволокой, обложиться минами и держаться. Месяц-два-три — пока не скажут, что дальше делать. Понятно?»

Для лейтенанта Керженцева это только очередное приказание, которое надо выполнить, но писатель Некрасов знает, что это начало великой битвы, которая кончится пленением Паулюса и красным знаменем над рейхстагом.

Прошел первый день боя. «Сегодня сдержали все-таки, — думает Керженцев, — только в одном месте потеснили нас немцы. У Фарбера. На самом правом фланге. Метров на сорок. Придется перекинуть туда горбонского лейтенанта с его взводом, Рамов, что ли, его фамилия? Боевой как будто парень. Мне он сегодня понравился. А часика в три — контратакуем».

До предела напряжена атмосфера на берегу Волги. А мысли у Керженцева спокойные. Более спокойные, чем были тогда, когда он трялся в телеге по длинной дороге отступления. И то, что тяжелый труд войны для него морально легче блуждания по тылам и резервам, убедительней всех деклараций говорит о внутренней силе героя. Для Керженцева прошел только один обычновенный день: «Сегодня сдержали все-таки

ки», но мы — читатели 1947 года — понимаем великий смысл каждого из этих «обыкновенных» дней.

Сказанное выше, кажется, достаточно разясняет нашу мысль: есть в повести Некрасова два вида. Видение свидетеля и участника, знающего только свой отрезок фронта и свою ограниченную задачу, и видение писателя, разглядывающего события с исторической дистанции.

3.

Путь Пановой, Некрасова закономерен и правилен. Но в литературе много путей.

Совсем другой дорогой идет к созданию художественного произведения о войне Г. Березко. Насколько в «Спутниках» и в «Сталинграде» сюжет нарочито спрятан от глаз читателя, настолько Березко уверенно берется за создание сюжетного произведения.

Он начал с небольшой повести «Красная ракета» — эпизода из боевой жизни лейтенанта Горбунова. Повесть написана очень напряженно, с большим писательским интересом к внутренней жизни героя. Она создавалась и вышла в свет во время войны, и все-таки в ней ясно чувствуется желание автора ухватить самое главное в событиях, понять историческое значение частного эпизода.

Следующее произведение Березко — «Командир дивизии» — в некоторой степени продолжение «Красной ракеты». Горбунов оказался второстепенным персонажем «Командира дивизии». В этой повести масштаб событий несколько больше. И здесь привлекает Березко внутреннее напряжение действия. Сюжетное решение — исход операции — определяется ходом мысли Богданова.

В «Ночи полководца» опять действуют и Горбунов и Богданов. Но здесь оба они — второстепенные персонажи. На первом плане повести — командующий армией генерал-лейтенант Рябинин.

Не случайна взаимосвязь этих трех произведений. События отходят все дальше, и у писателя появляется потребность оглядеть их с большей дистанции, понять их значение в большем об'еме.

От повести к повести растет масштаб увиденного и понятого. Очень лисбопытен процесс перехода писателя к форме, большей не только по размеру, но, главное, по значительности событий и мыслей.

4.

Повесть Эм. Казакевича «Звезда» посвящена работе разведчиков. Об этой очень специальной, очень сложной и опасной от-

расли военного труда Казакевич рассказывает уверенно и обстоятельно. Мы знакомимся не только с техническими деталями, но и с атмосферой отчаянно смелого и хладнокровно рассчитанного поиска во вражеском тылу. Мы узнаем о быте разведчиков, о том, как они готовятся к операции, как переходят фронт, как передают сведения, как прячутся, как раскрывают планы врага. Велика познавательная ценность повести. Но интерес «Звезды» выходит за пределы интереса к одной, хотя бы и примечательной, воинской специальности.

«Звезда» — лирическая повесть, повесть о чувствах. Это история дружбы Травкина и Аниканова, преданности Мамочкина командиру, чистой любви Кати, и прежде всего истории нежной любви каждого к своему делу. Травкиным, Аникановым, Бугорковым, Гуревичем, Мамочкиным, Сербиченко движет не жервность, а любовь к своему труду, к своей опасной и тяжелой работе.

Сапер Бугорков гордится построенным им шалашным городком: «Ему очень хотелось, чтобы дивизия задержалась в этом лесу хотя бы еще на сутки. Веселый шалашный городок был бы хоть немного обжит и хоть кто-нибудь да похвалил бы Бугоркова за это чудо шалашного строительства».

Начальник штаба дивизии подполковник Галиев недоволен и хмур, когда нет противника и дивизия не воюет. Но вот обнаружен противник: «Он был неузнаваем. Повеселевший, шутливый, он вдруг стал похож на проказливого бакинского мальчишку, каким был лет тридцать назад. «Галиев немца чует», — говорили про него в такие минуты».

Молодой разведчик Мещерский «занимался реинтеграцией, находя во всем, что делал, почти детское удовольствие. Он ползал до изнеможения, храбро лез в студеный ручей и целыми ночами готов был слушать бесконечные рассказы о боевых делах взвода».

Разведчики уходят в немецкий тыл: «Все повеселились. Пройти такой передний край, а затем начиненные немцами леса и потом связаться по радио и передать своим об этих немцах, — нет, так стоит жить!»

Никто из них не хотел воевать. Но раз война настала, они, воспитанные «в любви и уважении к рабочим людям», сами рабочие люди, люди творческого вдохновленного труда, трудятся самозабвенно, все отдают труду войны.

Эта преданная, нежная любовь к своей работе не менее чиста, бескорыстна, лирична, чем любовь Кати к Травкину, чем все другие высокие чувства — дружбы, преданности, благородства, которыми живут герои «Звезды».

Неслучайно сюжетное решение в повести Казакевича заменено решением эмоциональным. Мы не знаем, при каких обстоятельствах погибли разведчики, мы знаем только, что верные посланцы «Земли» погибли на далекой «Звезде» недаром. Именно потому, что труд — такое же проявление внутренне богатой натуры, как любовь или дружба, военный материал повести органически входит в лирическую ее ткань, и грустная история безответной Катиной любви неразрывна с бытом разведчиков, со всеми особенностями их отчаянно трудной работы.

Нет противопоставления, нет борьбы общественного и личного. Есть полноценный, богатый чувствами творческий человек, который любит, дружит, работает и воюет с напряжением всех своих внутренних сил, с увлечением и со страстью. В этом полноценном, в этом богатстве чувств и есть счастье, которым обладают герои «Звезды», в этом секрет их военной победы.

5.

Сегодня литературный процесс определяется борьбой за осмысление войны во всем ее огромном масштабе. Литература борется за реальность образов, за раскрытие внутреннего мира человека, за то, чтобы сохранить во всей свежести и конкретности видение современника и приобрести обобщающее видение историка.

Хорошая книга значительна не только сама по себе, но и тем, что она поднимает общий уровень, обогащает общий опыт, совершенствует общее умение. В этом смысле литература — продукт коллективного труда.

Еще нет произведения, которое охватывает целиком великую эпопею Отечественной войны. Каждая из вышедших книг посвящена только одному из участков огромного исторического действия. Мы не знаем, будет ли создано единое огромное полотно. Может быть, так же, как некогда молодая советская литература создала эпопею гражданской войны, частями которой были и «Разгром» А. Фадеева, и «Чапаев» Д. Фурманова, и «Железный поток» А. Серебряковича, и много других произведений, так и эпопея Великой Отечественной войны будет создана не одним писателем, а советской литературой в целом.

Прошло очень мало времени после окончания войны, но мы уже с гордостью перечисляем книги, достойные стать главами великой эпопеи. Не случайно и радостно появление целой плеяды новых имен. Не случайно мы были в течение одного только года свидетелями стольких больших писательских удач.